

СЕКЦИЯ 2. ОТ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ К НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЭТИКЕ

УДК 17.0

Е. В. БЕЛЯЕВА

г. Минск, БГУ

«ЭТИКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ» КАК НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ЭТИКА

К характеристикам «этики ответственности» относятся: обоснование морали через живое индивидуальное бытие человека; консеквенционализм; идея индивидуальной ответственности за бытие конкретного живого.

Этика ответственности, неклассическая этика

E. V. BELYAEVA

«ETHICS OF RESPONSIBILITY» AS NONCLASSICAL ETHICS

Characteristics of «ethics of responsibility» is: a substantiation of morals by the living individual human existence; consequencionalism; the idea of individual responsibility for the being of concrete living.

Ethics of responsibility, nonclassical ethics

Определение неклассической этики и ее характеристики остаются актуальным предметом философского исследования. В то время как представления о классической этике наделяются определенным единством, неклассическая этика многообразна. Как один из ее вариантов может рассматриваться «этика ответственности», становление которой связано с критикой «проекта модерна» и присущего ему способа этической рефлексии, воплощением которого выступала философия И. Канта. Уже в работах М. Вебера содержалась критика того, что он называет «этикой убеждений», главным недостатком которой представляется акцент на самодостаточности мотивов поведения и абстрагирование от его последствий. Такая позиция позволительна для человека как частного лица, но неприемлема для субъекта, принимающего политические решения. Последний, по мнению М.Вебера,

должен руководствоваться «этикой ответственности», которая и по целям, и по средствам, и по механизму морального выбора отличается от этики кантовского типа. Ю. Н. Давыдов, комментируя это различие, отмечал, что «этика ответственности» ориентирована на земные цели по «спасению тела», не отрицает насилия в качестве средства достижения целей и, наконец «если для первой убеждение (“вера”) предшествует выбору, то в рамках второй как раз наоборот – выбор предшествует убеждению» [3. С. 95]. Таким образом, если значимость моральным убеждениям человека эпохи модерна придавали «метанаррации», то этика ответственности отвергла такой способ обоснования морали в пользу самодостаточности ответственного выбора личности, что стало предпосылкой построения этической теории на принципиально новых основаниях.

Критика кантовской этики, а вместе с ней и всей «этики убеждений», была продолжена Т. Адорно. Он писал о том, что такая этика является «противоположной той этике, которую называют этикой ответственности и согласно которой эмпирические условия должны непременно учитываться для того, чтобы эффективность моих действий соответствовала определенному моменту свободного морального поступка» [1. С. 96]. Центральным пунктом критики в данном случае стала кантовская идея автономии моральной личности, не нарушаемой никакими «эмпирическими» обстоятельствами. «Этика ответственности означает, таким образом, этику, стремящуюся к тому, чтобы при каждом шаге, который мы совершаем, при каждом шаге, который считается необходимым для исполнения требования блага и справедливости, задумываться также и о том, каков эффект этого шага, словно бы этот шаг уже сделан. То есть речь идет не просто о поведении исключительно на основе чистого убеждения, но и об одновременном признании в качестве позитивного начала цели, намерения и образа нашей деятельности» [1. С. 185]. «Этика ответственности – это такая этика, которая ставит вопрос о последствиях, не удовлетворяясь одной только чистой волей» [1. С. 186]. Поскольку XX век показал, что автономия морального субъекта не только не препятствует

возникновению мировых войн и тоталитарных режимов, но более того, едва ли не обосновывает их «категорическим императивом», стало понятно, что данная этическая стратегия должна быть пересмотрена.

Попытка преодолеть не только концепцию автономии морального субъекта, но и свойственное классической философии построение теории морали на базе метафизики была предпринята Э. Левинасом, который поставил обратную задачу: обосновать метафизику с помощью этики. Основное этическое отношение – ответственность как ответственность Другому и ответственность за Другого – представлялось ему первичным актом, конституирующим субъекта и его бытие. «Присутствие Другого – предупреждение мне о необходимости ответить. Отныне быть “Я” – значит не иметь возможности увильнуть от ответственности: как если бы все здание творения держалось на моих плечах. Выявить в Я подобную направленность – значит отождествить Я и нравственность. Я перед лицом Другого бесконечно ответственно. Другой – тот, кто провоцирует это этическое движение в сознании» [5. С. 621].

Этика Э. Левинаса представляет собой сознательную попытку сфокусировать теорию морали вокруг новой центральной категории, в противовес как категории долга (главной для этики Канта), так и категории блага (центральной для этики аристотелевского типа). В теоретическом плане такой подход позволяет построить принципиально личностную этику, которая в то же время сосредоточена не на потребностях или структурах сознания этой личности, но на фигуре Другого. Важнейшее отличие трактовки ответственности у Э. Левинаса состоит в том, что он перенес внимание с «ответственности перед...» на «ответственность за...».

Если в классической («метафизической», «метанарративной») этике ответственность налагалась на индивида со стороны инстанции морального авторитета, то теперь этическое отношение спонтанно полагается самой личностью. Ответственность за Другого, за его живое, подверженное

смертности бытие, порождает всякий раз конкретное нормативное содержание ее поведения.

Сходное «преодоление метафизики» в области этического можно проследить и в знаменитом произведении М. М. Бахтина «К философии поступка». Он критикует разрыв, существовавший в учении опять-таки И. Канта, между «теоретическим миром», сконструированным «как если бы меня не было», и миром долженствования, основном на активности воли субъекта. Подлинная же онтология и этика должны быть построены не вокруг абстрактного бытия, а вокруг «бытия-события» как результата личной «участности» в нем. Именно ответственный поступок личности создает такое уникальное бытие. «Этот факт моего не-алиби в бытии не узнается и не познается мною, а единственным образом признается и утверждается» [2. С. 112]. М. М. Бахтин также конструирует ответственность как «ответственность за...», однако, в отличие от Э. Левинаса, распространяет ее не на Другого, а на самого себя. «Долженствование впервые возможно там, где есть признание факта бытия единственной личности изнутри ее, где этот факт становится ответственным центром, там, где я принимаю ответственность за свою единственность, за свое бытие» [2. С. 113]. Между тем интерпретация морали как принципиально индивидуального, личностного ответственного акта, присуща обоим мыслителям.

Наконец, еще один вариант становящейся «этики ответственности» прослеживается в размышлениях Г. Йонаса, который не противопоставляет свою позицию этике Канта, а исходит из нее. Экологический посыл его рассуждений приводит к постановке проблемы ответственности за все живое, которое является «уязвимым и преходящим», и к требованию распространить действие категорического императива не только на людей. Мыслитель включает природу в число объектов нравственного отношения и позиционирует человечество в качестве субъекта морали. При этом, как и все представители «этики ответственности», он трактует ответственность как «ответственность за...», формулирует императив ответственности для конкретной личности и

мерой моральности поступка считает его последствия: «Поступай так, чтобы последствия твоего действия были совместимы с непрерывностью подлинной человеческой жизни на Земле» [4. С. 36].

Таким образом, хотя «этика ответственности» не представляет собой единого оформленного течения в истории этики XX века и представлена весьма разнородными авторами, представляется возможным выделить ее специфические черты. К ним относятся: отказ от обоснования морали через апелляцию к метафизическим сущностям и обоснование ее через выявление специфики живого индивидуального бытия человека; консеквенциалистская установка на внимание к последствиям поступка, социальным результатам моральной деятельности; понимание ответственности как индивидуальной, не исходящей от внешней инстанции ответственности за живое бытие конкретного живого, будь то сам человек, другой человек, природа или человечество как совокупность живых существ. Это позволяет охарактеризовать «этику ответственности» как новый тип теории морали, адекватный нравственным процессам эпохи *после* модерна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Адорно Т. Проблемы философии морали / Т. Адорно; пер. с нем. М.Л. Хорькова. – М.: Республика, 2000. – 239 с.
- 2.Бахтин М.М. К философии поступка / М.М. Бахтин // Философия и социология науки и техники: Ежегодник 1984–1985. – М.: Наука, 1986. – С. 82-160.
- 3.Давыдов Ю.Н. Этика убеждения и этика ответственности: Макс Вебер и Лев Толстой / Ю.Н. Давыдов // Этическая мысль. – Вып. 7. – С. 83-108.
- 4.Йонас, Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Г. Йонас; пер. с нем., предисл., примеч. И.И. Миханькова. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.

- 5.Левинас Э. Время и Другой; Гуманизм другого человека / Э. Левинас; пер. с фр. А.В. Парибка; вступ. ст. и комм. Г.И. Беневича. – СПб. : Изд-во Высшей религиоз.-философ. школы, 1998. – 265 с.

УДК 17.0

Г. А. БРАНДТ

г. Екатеринбург, Гуманитарный университет

ЭТИКА В ПАРАДИГМЕ КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА: «НОВАЯ ДРАМА» О «СМЕРТИ» МОРАЛИ

Статья посвящена рассмотрению проблемы «смерти» морали в современном театральном движении «новая драма». Методологической парадигмой данного рассмотрения является культурно-антропологический подход.

Культурно-антропологический поворот, этика долженствования, повседневность, новая драма, моральный вакуум, этика любви

G. A. BRANDT

THE ETHICS IN CULTURAL-ANTHROPOLOGICAL PARADIGM: "NEW DRAMA" ABOUT THE "DEATH" OF MORALITY

The article is devoted to the problem of the "death" of morality in the modern theatre movement "new drama". The methodological paradigm of this consideration is the cultural-anthropological approach.

Cultural-anthropological turn, the ethics of duty, everyday life, new drama, a moral vacuum, the ethics of love

XX век с большим трудом расставался с красивым кантовским утверждением по поводу двух самых интересных вещей на свете. Впрочем, что касается внешнего космоса – «звездного неба над головой» все может быть и осталось в силе, но красота заключалась в сопряжении космоса внешнего и внутреннего, а здесь – с идеей непреложного существования «нравственного закона внутри нас» после Освенцима и Гулага уже произошла осечка.